

Юрий ПОМИНОВ

А. А. КАСИЦЫН: «НЕРЕШАЕМЫХ ПРОБЛЕМ НЕ БЫВАЕТ!»

Хозяйство это по-своему уникально. В здешнем краю, который впо-ру называть зоной не рискованного даже, а отчаянного земледелия, давно научились выращивать хлеб и применяют самые современные технологии. Успешно развивают животноводство, где организация дела также продумана до мелочей. Здесь, на самом «краю» области, у людей есть все, чтобы жить и работать и не чувствовать себя оторванными от большого мира и благ цивилизации. Это – ТОО «Галицкое» Успенского района Павлодарской области.

С его руководителем – Александром Анатольевичем Касицыным, который начинал здесь когда-то карьеру зоотехником молочно-товарной фермы, мы знакомы не один десяток лет: много раз встречались по разным поводам, о многом откровенно говорили. Так родился этот мой рассказ о нем и его уникальном хозяйстве.

– Александр Анатольевич! Вы уже в детстве знали, чем будете заниматься в жизни?

– Пожалуй, что да. Родители мои были животноводы: мать – доярка, отец – табунщик. Я из шестерых детей старший, помогал управляться им со скотом на работе и дома. Так что мой путь в профессию был, наверное, предопределен.

– Кто больше занимался Вашим воспитанием в детстве – отец или мать? Самые яркие воспоминания из Вашего детства?

– Сказать, что нас с утра до вечера воспитывали, было бы неправдой. Но в семье существовали строгие правила, у каждого из детей были свои обязанности: привести в порядок комнату до ухода в школу, управиться с домашним скотом к тому времени, когда вернутся с работы родители... Плюс, само собой, с весны до осени огород, уход за ним – это тоже была наша забота. И не было хуже наказания, чем укор отца за несделанную или плохо сделанную работу. Уже с восьмого-девятого класса я летом работал в колхозе – пас скот, скирдовал сено, был подсобником на заготовке силоса...

Самое яркое, светлое воспоминание из поры детства – это когда отец брал меня с собой в степь. Он пас колхозный табун лошадей, смена длилась двое суток. И когда, уступая моим просьбам, он говорил: «Ладно, собирайся!» – не было для меня большей радости. Тогда я узнавал и начинал любить лошадей, которых люблю до сих пор. Научился ездить верхом – без седла и в седле. Кстати, я единственный из «младших» зоотехников имел персонального коня – Цыгана, ездил на нем верхом, зимой в кошеве. Даже председатель колхоза Глазырин любил иногда проехаться со мной.

– А когда по-настоящему определились с профессией?

– После школы мы – трое одноклассников – поехали поступать в Семипалатинский зооветеринарный институт. Но они двое передумали, и я тоже забрал документы – за компанию... Поступил в Павлодарский совхоз-техникум, в 1984 году закончил его с отличием и даже уже получил предварительное распределение – в известный тогда передовой совхоз «Бобровка» Качирского района. А на вручении дипломов перед нами выступил Виктор Дмитриевич Глазырин – председатель колхоза имени Карла Маркса моего родного Успенского района.

И так меня его выступление зацепило, что я подошел и представился. Наверное, чем-то ему приглянулся, потому что он тут же меня «перераспределил» к себе в колхоз – зоотехником фермы. Было это 23 марта... С тех пор март для меня – счастливый месяц... Через три года, опять в марте, Глазырин назначил меня главным зоотехником, а в марте 1993 года, уже будучи главой Успенской районной администрации, рекомендовал правлению колхоза избрать меня председателем. Его слово оказалось решающим. Он нас с вами, кстати, и познакомил.

– А Вы сами видели себя на этом посту, предполагали, что Вам его предложат?

– Не видел, не предполагал, не мечтал... Просто утром Глазырин мне сказал, что он всю сегодняшнюю ночь думал, принял очень непростое решение и уже распорядился созвать правление колхоза. Я же был совершенно не готов к этому разговору... Сразу сказал ему о своих сомнениях относительно его выбора... Но Глазырин уже все решил, и, конечно, правление его поддержало.

– А он говорил, почему выбор пал именно на Вас?

– Специального разговора на эту тему не было. Но Виктор Дмитриевич ко мне очень хорошо относился, можно сказать, любил, и некоторые в колхозе даже думали, что мы родня, чего на самом деле не было. Да и любовь его была, если можно так выразиться, своеобразной, принимавшей временами деспотические формы. Вероятно, он считал, что если имеет на меня определенные виды, продвигает по службе, то «доставать» меня имеет право больше, чем других. Иногда наши с ним отношения доходили до полного разрыва. И тем не менее работа с ним – это была отличная школа хозяйствования. Он был жестким руководителем, во все вникал сам, все контролировал, никогда ничего не забывал. И при всей своей «колхозности» был хорошим психологом, чувствовал людей, знал, как с кем себя вести. И все это шло колхозу на пользу.

– Наверное, ему жаль было оставлять налаженное хозяйство, его любимое детище, в которое он вложил столько труда...

– Еще как жаль! Если бы только можно было, то, наверное, он бы тогда занял сразу два кресла – и председательское, и главы района... Но, увы...

– Как раз в те годы я впервые побывал вместе с Виктором Дмитриевичем в Галицком и видел, что он по-прежнему остается сторонником колхозной формы хозяйствования...

– Я вам больше скажу... Став главой районной администрации, он едва ли не на первой встрече с председателями колхозов заявил: «Забудьте, что это районная администрация – это одна большая колхозная контора, и я ее председатель...» Такой это был человек – хозяин-самородок, преданный крестьянскому делу. До своей преждевременной кончины всеми силами оберегал район от разора...

– Можно ли сказать, что Вам повезло: в тридцать один год стать председателем такого колхоза?

– Это как посмотреть... Большой вопрос – что лучше: принять слабое хозяйство и навести в нем порядок или получить такое, каким был колхоз имени Карла Маркса, и удержать его, когда все вокруг уже валится... Трудные времена начались для меня сразу же: то были годы массовой эмиграции немцев в Германию, а они у нас составляли до 80 процентов. И это были лучшие работники. И мы, как ни тяжело приходилось, покупали у них дома и завозили других немцев – из южных областей Казахстана. Именно завозили – посылали туда агитаторов, которые расписывали, как им будет у нас хорошо; помогали переезжать, посылали за ними транспорт. И уже тут давали им те самые выкупленные нами дома – в качестве ссуды. Потом пошла вторая волна эмиграции, когда уезжали уже те, кого мы сагитировали на переезд к нам. И мы опять выкупали у них дома, которые к тому времени подорожали в три раза... А потом, когда по-

всюду стали разваливаться бывшие колхозы, совхозы, люди к нам потянулись сами, потому что видели: мы все сохранили и все у нас работает...

– **Как вам удалось сохранить хозяйство в пору безумно-бездумной приватизации совхозов и колхозов?**

– Держались мы до последнего... Когда колхозы были объявлены пережитком прошлого и поставлены вне закона, сменили вывеску на производственный кооператив. Политика тогдашних реформаторов по отношению к селу была убийственной: из-за диспаритета цен, отпущенных на промышленную продукцию и замороженных на продукцию села и нужные нам ресурсы, «экономического раскулачивания» и прочих псевдорыночных шарашаний хозяйства, даже вполне дееспособные из них, погружались в долговую яму, выбраться из которой не мог практически никто.

Пришла следующая волна реформирования – банкротства, дележ прежнего общего совхозно-колхозного имущества, появление конкурсных управляющих... Как раз в ту пору у меня состоялась памятная встреча с акимом нашей области – рыночником Г. Б. Жакияновым. Увидел наш детсад и спрашивает: «А это что?» – «Детский сад», – отвечаю. «Работает?» – «Нет, временно пустует...» – «Почему не продаете?» – «Так нужен же будет!» – «А вам до этого какое дело?» Словом, ясно дал понять, что надо немедленно покончить с «проклятым советским мышлением», что никакого производственного кооператива быть не должно, собственность должна быть персонифицирована...

А я все сомневаюсь, думаю... Как можно было чуть не задаром раздать объекты, которые новые «хозяева» никогда не сохранят... Мы ведь их большей частью на свои деньги строили, да и как без них потом обойтись? Хотя мне за тот наш детский сад предлагали особняк в Павлодаре. Я все выжидаю... И тут, несколько месяцев спустя, опять приезжает Г. Б. Жакиянов. И когда ему доложили, что перед ним председатель кооператива Касицын, он, переспросив: «Председатель кооператива?» – вообще не стал со мной разговаривать... Надо отдать ему должное, спустя какое-то время он, опять приехав к нам, публично извинился передо мной, сказав, что был в предыдущий приезд не прав. Редкий, если не единичный случай для сильных мира сего.

А еще у нас в те трудные времена побывал тогдашний министр сельского хозяйства Кулагин – позднее аким Костанайской области. Я ему показывал хозяйство – производственный кооператив, по сути все тот же колхоз. И чем больше он видел (все разумно организовано, все работает, есть результаты), тем сильнее мрачнел. Напоследок сказал: «Я-то был уверен, что мы все правильно делаем на селе, а это, оказывается, далеко не так...» – «А мне что делать?» – спрашиваю его, когда он уже уезжать собрался. «Работай!» – отвечает.

– **Что же Вы все-таки сделали?**

– Мы создали новое ТОО «Галицкое» и передали ему в аренду все имущественные пай, которые числились в производственном кооперативе, с правом последующего выкупа. За исключением суммы долгов – в виде имущества она по-прежнему оставалась за кооперативом. Это были не самые нужные хозяйству объекты, оборудование и прочее. Забегая вперед, скажу: мы потом это имущество на аукционе сами и выкупили, чтобы «чужие» у нас не путались под ногами. И только мы зарегистрировали ТОО, как к нам явились конкурсные управляющие – некие молодые люди, которым, по сути, уже нечего было тут делать... То есть протяни мы еще несколько дней – и хозяйства в его нынешнем виде уже бы не было...

Тут надо, наверное, еще сказать, что у нас в ту пору были очень большие долги. Но, создавая ТОО, я не стал изымать их сумму (солидарно) из имущественных паев. Мы возвращали эти долги уже из вновь наработанного – это

также была очень непростая работа, о чем иногда забывали те, у кого мы паи выкупали: все, что мы имеем, – собственность ТОО.

– **Вам важно, что о Вас думают люди?**

– Очень важно. Почти вся моя самостоятельная жизнь прошла здесь, и я, конечно, дорожу мнением односельчан обо мне.

– **Вы устаете на работе?**

– Устаю. Но когда я вижу, что у нас есть вокруг, что нами создано, это придает мне сил. Мы очень много вкладываем в будущее села – новые технологии, социальную сферу, в детей. Многие меня в этом не понимали и не поддерживали. Теперь это называют социальной ответственностью бизнеса, чем мы, собственно, много лет занимаемся. И, убежден, правильно делаем. Такого набора социальных объектов, как у нас, нет, наверное, больше нигде. И жилье мы строим... То есть мы инвестируем в будущее... Что может быть важнее этого?

– **Что Вы говорите себе в трудные моменты жизни?**

– Нерешаемых проблем не бывает. Все дело в степени потерь, затрат – душевных и физических. Когда мне бывает трудно, я говорю себе: надо жить...

– **Вам предлагали другие руководящие должности?**

– Да, неоднократно... В том числе и в России. Но я всегда отказывался и не жалею об этом.

– **Ваши любимые мгновения в работе и жизни?**

– Больше всего я люблю пору зрелой осени. Позади уборка, и весь хлеб уже в складах, а сено – на сеновалах, и я знаю, что его хватит на зиму. Уголь тоже завезли, и уже работает котельная... Выпал первый снежок, в селе – спокойствие и умиротворение. Я выезжаю утром, на рассвете, и испытываю огромное удовольствие от всего этого. А если это к тому же еще и воскресенье, то это особая радость: ты заслужил право на отдых.

* * *

Это часть уже давнего нашего разговора с Александром Анатольевичем Касицыным. Теперь более подробно о том, что собой представляет ТОО «Галицкое» сегодня. Тут много такого, что можно охарактеризовать словом *впервые*, как в производстве, так и в социальной сфере. Начнем с первого. Галицкое – на самом краешке области, в нескольких километрах от него Алтайский край. Но если за границей не увидишь обрабатываемых полей – российские соседи не считают их пригодными для земледелия, то здешние – сплошь засеиваются. В колхозные времена таких было 13 тысяч гектаров, теперь – втрое больше. И эти земли с очень невысоким бонитетом могут давать в здешнем засушливом краю валовую почти по 17 центнеров с гектара, а валовой сбор зерна – свыше 27 тысяч тонн. И хотя обычно урожаи значительно скромнее, Александр Анатольевич говорил мне, что даже при средних семи центнерах с гектара производство зерна прибыльно.

Животновод по своей первой специальности, Касицын может сегодня дать фору любому ученому-агроному. В хозяйстве сложилась выверенная, учитывая рельеф местности, система земледелия, где все имеет значение: и опыт предшественников, и новые технологии, и семеноводство, и высокая техническая вооруженность.

Как-то мы оказались в Галицком вместе с патриархом целинного земледелия Василием Степановичем Петрушкиным, которого коллеги удостоили звания «агроном агрономов». Увидев идеально возделанное паровое поле с ровными рядами горчицы, которые теперь едва ли где увидишь, он чуть не проследил и даже чуть приобнял Касицына: «Ну и порадовал ты меня, Саша. Теперь и уходить не страшно...»

Здесь практикуют разные сроки сева, вплоть до сверхранних, экспериментируют с озимыми культурами. Все это позволяет раньше начинать уборку и управляться с ней до осеннего ненастья. Семена – только апробированные, районированные, самого высокого качества. Галицкое – еще и испытательный полигон для селекции семян Павлодарского НИИ сельского хозяйства, Института зернового хозяйства в Шортандах, Омского НИИСХоза. Здесь размножают полученную от них суперэлиту и элиту, превращая в товарное зерно высокого качества. Кроме пшеницы и фуражных культур – однолетних трав и кукурузы, сеют подсолнечник и гречиху, подсолнечник перерабатывают на собственном заводе, построенном в райцентре. Подсолнечное масло «Галицкое» пользуется большим спросом.

Практически полностью обновлен технический парк хозяйства, состоящий теперь из высокопроизводительных посевных комплексов и комбайнов нового поколения. Разговаривал с потомственным механизатором Василием Осиповым, убиравшим хлеб на комбайне «Вектор», который сказал, что о лучшей машине и мечтать не приходится. Отец его Геннадий Алексеевич, работавший на «Ниве» и «Енисее», побывав в кабине «Вектора», поражался не только возможностям комбайна, но и условиям, в которых работает сын.

* * *

Солнечных дней здесь с весны до осени всегда хватает, а вот осадков почти всегда недостает. Работать земледельцам, как правило, приходится в условиях засухи. И к этому, можно сказать, приспособились. Но разводить животноводство, особенно личное, без полноценных кормов было невозможно. При этом вода и здесь была, но глубоко под землей. Ее стали добывать, едва ли не как нефть, с глубины 750-800 метров. Такой опыт уже был в советские времена – в известном на весь Советский Союз колхозе имени 30-летия Казахской ССР. Его председатель, талантливый организатор Яков Германович Геринг, завязав тесные отношения с учеными и практиками-гидрогеологами, сумел запустить орошение земель подземными водами. Дождевальные машины подключали здесь прямо к пробуренным артезианским скважинам. И поливали таким способом пять тысяч гектаров пашни, выращивали кормовые культуры и тем самым обеспечивали многотысячное стадо крупного рогатого скота, крупное поголовье свиней, другие потребности хозяйства. Подобного опыта не было во всем СССР. Колхоз стал своего рода полигоном для испытания новых технологий полива. Однако умер Я. Г. Геринг, достойной смены ему не нашлось. Немцы, составлявшие в этом колхозе основу трудового коллектива, массово устремились на историческую родину. Дальше – общий кризис, обрушивший село, как стихийное бедствие, и от уникального хозяйства почти ничего не осталось.

Зато сегодня Павлодарская область стала одной из самых орошаемых. Крупные орошаемые массивы работают по обе стороны Иртыша в десятках хозяйств. Используются для полива и воды канала имени К. И. Сатпаева. Однако опыт Галицкого и на этом фоне уникален. Воду для полива здесь получают из более чем двадцати артезианских скважин, с глубины 750-800 метров. Ее закачивают в два водохранилища и подают из них на поля. Александр Анатольевич показывал их мне, когда первое уже использовалось, а второе только обустроивалось. На первом поливном участке кукурузу на силос сначала выращивали с помощью капельного орошения. Для этого в рядках укладывали пластиковые трубки. Система действовала: я видел эти кукурузные заросли в два человеческих роста. Убирали ее, когда початки достигали нужной степени созревания, и получали сочный корм отменного качества. Однако трубки для полива были одноразового использования, рассчитаны на один сезон. То есть их надо было по весне «расстелить» на участке, осенью собрать, а на следующий сезон сделать то

же самое, используя уже новую партию трубок. А это – 700 километров каждый раз. И от капельного орошения отказались – в пользу дождевальных машин нового поколения.

Кормопроизводство сегодня здесь – целая отрасль. Выращивают также на богаре фуражные культуры, однолетние и многолетние травы, заготавливают сено и солому. Кроме силоса закладывают на зиму сенаж. И все это задается скоту в приготовленном виде (об этом чуть позже). Казалось бы, теперь, когда растущее животноводство обеспечено полноценными кормами, в том числе на перспективу, можно было и передохнуть, да и то относительно, потому что забот у главы хозяйства не убывает круглый год. Но Касицын не был бы Касицыным, если бы, как он однажды мне скажет, не создавал проблемы сам себе. Он взялся и овощи выращивать на поливе – картошку и морковь. Но их же и хранить где-то надо. И он все точно рассчитал. Очень быстро поставил эти хранилища на краю села, прямо у дороги, ведущей в Алтайский край. Граница буквально рядом – в Россию и обратно регулярно идут большегрузы, нередко пустые, и попутный, к тому же востребованный, груз им всегда пригодится. Хранилища рассчитаны на шесть тысяч тонн, большая часть картошки и моркови уходит в Россию, а часть – в Астану, Семей и даже в Узбекистан. И хозяйству выгодно – дополнительные доходы на растущие нужды и развитие.

* * *

Теперь о животноводстве, и здесь опять уместно раз за разом приводить слово *впервые*. Оно и в советские времена было здесь на достойном в ту пору уровне. Но он, конечно, несопоставим с прорывом, сделанным в отрасли уже в новые времена – как в молочном, так и в мясном животноводстве. Не раз приходилось бывать вместе с А. А. Касицыным на фермах животноводческого городка, где не перестаешь удивляться. Тут не только высокие технологии на каждом шагу, но и цветники – не редкость.

ТОО «Галицкое» входит в первую десятку крупнейших производителей молока в Казахстане. Объем его производства составил в 2023 году без малого девять тысяч тонн. Наверное, уместным будет такое сравнение: каждая здешняя корова – это, по сути, мини-фабрика по производству молока. Средний надой здесь превысил семь тысяч литров молока от каждой буренки.

А когда Касицын начинал здесь, то лишь самые лучшие давали по три тысячи литров, а средний надой до этого уровня, конечно, не дотягивал. В хозяйстве было 800 коров, которых обслуживали 32 доярки и несколько скотников. Теперь на первом молочном комплексе с 500 коровами управляют три доярки и два скотника. Главных составляющих у нынешних достижений «Галицкого» – два: высокопродуктивное дойное стадо и высокоразвитое кормопроизводство и кормоприготовление. Самых разных кормов заготавливается, как уже говорилось, в достатке и даже с избытком, а приготавливаются они на собственном мини-заводе, оснащенном самым современным оборудованием. В питании, которые получают коровы, предусмотрены все необходимые животным составляющие: и концентрированные корма, и силос, и бобово-злаковые корма, и сенаж, и суданка, и степные травы. Все – собственного производства. Все пропускается через миксер перед тем, как поступит на два молочных комплекса.

Коровы в нем на круглогодичном стойловом содержании. Весь технологический процесс контролируется и управляется компьютером, в котором каждая корова – на персональном учете. Все делается для того, чтобы уменьшить влияние человеческого фактора, который, по глубокому убеждению А. А. Касицына, чреват нежелательными последствиями. Такой вот неожиданный поворот в отношениях человека и животного, казавшихся очень важными в

прежней работе доярки, которая знала каждую свою корову, ее норы и учитывала это в своей работе. Дойное стадо «Галицкого» – симментальской породы, но к ней также приливают кровь голштинифризов. Высокопродуктивных животных закупают за границей: последнюю партию – 408 симменталок – в Чехии. Остальное стадо формируется за счет собственного воспроизводства.

Молочные комплексы, покупка высокопородного скота, развитие орошения – это, конечно, затраты – сотни и сотни миллионов тенге. Средства – кредитные и собственные, какие-то проекты частично субсидируются государством. Используются все возможности для развития. ТОО «Галицкое» – акционер перерабатывающих предприятий, и его молочная продукция пользуется устойчивым спросом в Павлодаре.

В мясном скотоводстве предпочтение отдается казахской белоголовой породе скота, хорошо приспособленной к новым условиям. Животные могут пастись круглый год, но здесь на пастбищах содержат только маточное поголовье, а бычков – на откормплощадках. Мясо их – отменного качества. Выращивают также племенных быков, на чем неплохо зарабатывают. Кроме того, более чем полуторатысячное поголовье лошадей. Налажен выпуск мясных консервов и полуфабрикатов.

* * *

А. А. Касицын не просто сохранил в Галицком все, что было создано его предшественниками, но и каждый год добавляет нового. При нем хозяйство обрело второе дыхание. Приметы этого замечаешь при каждом приезде сюда. В подтверждение – еще один фирменный знак, видимый за много километров от Галицкого – два высоченных ветрогенератора с вращающимися лопастями. А. А. Касицын сумел добыть их в Германии. Тоже недешевое приобретение – сотни миллионов тенге. Чтобы смонтировать их и установить, пришлось заказывать подъемный кран особой конструкции в Новосибирске, что тоже стоило немалых средств. А когда работы были завершены, оказалось, что лопасти на одном из «ветряков» плохо закрепили, и они обвалились на землю. Подрядчикам пришлось поднимать их наверх и закреплять заново.

Но проблемы на этом не закончились: энергетики, пользуясь своим монопольным правом и не желая терять свои деньги за поставляемую электроэнергию, не пускали «зеленую энергетику» в систему электроснабжения. Пришлось и мандат депутата областного маслихата директору включать, и дипломатию, и личные связи, и другие усилия, чтобы преодолеть ведомственные сопротивления. Теперь ветрогенераторы работают как часы, используя энергию ветра. Это умные агрегаты: при сильном ветре они останавливаются. Но это частности. Главное же – ветрогенераторы не только полностью окупили затраты на их приобретение и монтаж, но и теперь полностью обеспечивают производственные и социальные потребности Галицкого.

* * *

Пора сказать и об условиях жизни сельчан. Здесь в каждом доме вода и тепло по вполне доступным ценам. Для детей – детский сад с бассейном – тот самый, что сумели сохранить в пору разрухи на селе и «прихватазации»: директор «Галицкого» содержал его за счет хозяйства, а потом в лучшем виде безвозмездно передал на попечение местного бюджета. Ученики школ – на центральной усадьбе, в отделенческом селе – обеспечиваются за счет хозяйства бесплатным питанием. Оно же содержит досуговый центр с кружками для детей вне школьных занятий.

Круглый год действует современный спортивный комплекс, и поставили еще один со всеми условиями для сельской детско-юношеской спортивной

школы. Он был построен при долевом участии «Галицкого» и в двух соседних, где у «Галицкого» есть посевные площади.

Все, что здесь делается, – для людей, и средств на это не жалеют. Жилье строят собственными силами, его получают нуждающиеся. Был почти в центре села запущенный угол с ветхими ненужными строениями. Их убрали и поставили здесь жилые дома с усадьбами, где и гаражи, и летние кухни. Проложили асфальт, облагородили. Всего же построили таким образом уже полсотни домов – целую улицу, и назвали ее улицей Независимости. Своими силами реконструировали теплотрассу, провели освещение на центральной усадьбе. Проложили асфальтированную дорогу к отделенческому селу Новопокровка. Бывший здешний колхоз приходил в полное запустение. А теперь это село живет: есть и производство, и социальная сфера.

И это далеко не все, что сделано и делается в социальной сфере. Ежегодно хозяйство выделяет на социальные нужды десятки миллионов тенге собственных средств. Александр Анатольевич называет эти траты инвестициями в будущее.

Может показаться, что и живется ему без особых проблем. Но это, конечно, не так. Казалось бы, чего не жить и не работать в таких условиях? Тем же выпускникам здешней школы, в которой отличникам даже небольшие стипендии платят. Бывает в школе и директор хозяйства, рассказывает о нем, агитирует поступать в вузы: хозяйство не только учебу оплатит, но и зарубежные стажировки позднее, и на работу потом примет. От хозяйства – жилье, которое через какое-то время станет твоим. Но желающих немного, как и среди отслуживших парней, получающих по возвращению домой подъемные. Проблема кадров остается.

Раньше уезжали немцы первой и второй волны, а теперь молодежь, окончившая школу. Время изменилось, как и приоритеты у молодых. Утрачен был той авторитет в обществе сельского труженика: механизатора, животновода. И это – общегосударственная проблема, которую не решить в одном отдельно взятом хозяйстве, даже таком, как «Галицкое». Враз эту проблему не решить, но решать надо, ведь село/аул – не только производство, без которого всем нам не прожить, но и колыбель для миллионов предков, современников и, хочется в это верить, потомкам.

О нуждах села, требующих заботы государства, внимания общества, А. А. Касицын говорил и говорит на всех уровнях – и когда был депутатом областного маслихата нескольких созывов, и на совещаниях разного масштаба. Но его и таких, как он, не всегда слышат, и очень жаль, что так. Иногда он даже такое слышит: мол, и сам ты тоже отсюда уедешь. Раньше он обижался, а потом нашел весомый ответ: «Если даже уеду, это все с собой же не увезу!» «Это все» он создавал и создает уже сорок лет и, кажется мне, никогда не устает, что, конечно же, не так.

Есть у него традиция – приглашать в хозяйство ветеранов, много лет отдавших селу. Они – человек пятнадцать – приезжают из Павлодара. Сначала – обстоятельная экскурсия по хозяйству: поля и фермы, социальные объекты – своего рода отчет о том, что сделано и делается. Затем – дастархан: душевное общение, воспоминания, взаимные пожелания. Бывает, и до песен доходит. Мне тоже приходилось бывать на таких встречах, и каждая оставляет самые добрые чувства. Александру Анатольевичу они тоже нужны, как возможность показать, что труды предшественников не были напрасными, сказать доброе слово живым, вспомнить об ушедших. И пока жива эта связь времен, дело дедов и отцов, будет жить село, которому посвятил жизнь Александр Анатольевич Касицын. А что касается проблем, то он давно руководствуется принципом, который он сам выстрадал: «Нерешаемых проблем не бывает!»